

Порт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Порт. Владимир Владимирович Набоков

В низкой парикмахерской пахло прелыми розами. Жарко и тяжело жужжали мухи. Солнце лужами топленого меда горело на полу, щипало блеском флаконы, сквозило сквозь долгую занавеску в дверях: занавеска- глиняные бусы да трубочки из бамбука, вперемежку нанизанные на частые шнуры - рассыпчато позвякивала и переливалась, когда кто-нибудь, входя, плечом ее откидывал. Перед собой, в тускловатом стекле, Никитин видел свое загорелое лицо, лепные пряди ярких волос, сверканье ножниц, стрекотавших над ухом, - и глаза его были внимательны и строги, как это всегда бывает, когда смотришься в зеркало. Накануне он приехал из Константинополя, где жить стало невтерпех, в этот древний южно-французский порт; утром заходил в русское консульство, в бюро труда, бродил по городу, узкими улочками сползающему к морю, устал, разомлел и теперь зашел постричься, освежить голову. Пол вокруг стула был уже усыпан яркими мышками, -обрезками волос. Парикмахер набрал в ладонь жидкого мыла. Вкусный холодок прошел по макушке, пальцы крепко втирали густую пену, - а потом грянул ледяной душ, екнуло сердце, мохнатое полотенце заработало по лицу, по мокрым волосам.

Плечом пробив волнистый дождь занавески, Никитин вышел в покатый переулок. Правая сторона была в тени, по левой в жарком сиянии дрожал вдоль панели узкий ручей, девочка, черноволосая, беззубая, в смуглых веснушках, ловила звонким ведром сверкавшую струю; и ручей, и солнце, и фиолетовая тень, - все текло, скользило вниз, к морю: еще шаг, и там, в глубине, между стен, выросал его плотный сапфировый блеск. По теневой стороне шли редкие прохожие. Попался навстречу негр в колониальной форме, -лицо, как мокрая галоша. На тротуаре стоял соломенный стул, с сидения мягко прыгнула кошка. Медный провансальский голос затараторил где-то в окне. Стукнул зеленый ставень. На лотке, среди лиловых моллюсков, пахнувших морской травой, шероховатым золотом отливали лимоны.

Сойдя к морю, Никитин с волнением поглядел на его густую синеву, переходившую вдаль в ослепительную серебристость, - на световую рябь, нежно игравшую по белому борту яхты, - и потом, пошатываясь от зноя, пошел разыскивать русский ресторанчик, адрес которого он заметил на стене в консульстве,

В ресторанчике, как и в парикмахерской, было жарко, грязновато. В глубине, на широкой стойке, сквозили закуски и фрукты в волнах сизой кисеи, прикрывавшей их. Никитин сел, расправил плечи: рубашка прилипла к спине. За соседним столиком сидели двое русских, видимо, матросы с французского судна, а поодаль одинокий старичок в золотых очках, чмокая и посасывая, лакал с ложки борщ. Хозяйка, вытирая полотенцем пухлые руки, материнским взглядом окинула вошедшего. Два лохматых щенка, лопоча лапками, валялись на полу; Никитин свистнул; старая облезлая сука с зеленой слизью в углах ласковых глаз положила морду к нему на колени.

Один из моряков обратился к нему, сдержанно и неторопливо:

- Отгоните. Блох напустит.

Никитин потрепал собаку по голове, поднял сияющие глаза.

- Этого, знаете, не боюсь... Константинополь... Бараки... Что вы думаете...

- Недавно прибыли? - спросил моряк. Голос - ровный. Сетка вместо рубашки. Весь прохладный, ловкий. Темные волосы отчетливо сзади подстрижены. Чистый лоб. Общий вид порядочности и спокойствия. - Вчера вечером, - отвечал Никитин. От борща, от черного огненного вина он еще больше вспотел. Хотелось смирно сидеть, тихо беседовать. В пройму двери вливалось яркое солнце, трепет и блеск переулочного ручейка, - и поблескивали очки у русского старичка, сидевшего в углу, под газовым счетчиком.

- Работы ищите? - спросил второй матрос, пожилой, голубоглазый, с бледными, моржовыми усами, но тоже весь отчетливый, чистый, отшлифованный солнцем и соленым ветром. Никитин улыбнулся:

- Еще бы... Вот был сегодня в бюро труда... Предлагают сажать телеграфные

Порт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
столбы, вить канаты, да вот не знаю...

- А вы к нам, - проговорил черноволосый, - кочегаром, что ли. Это, скажу вам, дело... А, Ляля... Наше вам с кисточкой!

Вошла барышня, в белой шляпе, с некрасивым нежным лицом, прошла между столиков, улыбнулась сперва собачкам, потом морякам. Никитин спросил что-то и забыл свой вопрос, глядя на девушку, на движение ее низких бедер, по которым всегда можно узнать русскую барышню. Хозяйка нежно взглянула на дочь, устала, мол, просидела все утро в конторе, а не то в магазине служит. Было в ней что-то трогательное, уездное, хотелось думать о фиалочном мыле, о дачном полустанке в березовом лесу. Конечно, за дверью никакой франции нет. Кисейные движения. Солнечная чепуха.

- Нет, это вовсе не сложно, - говорил моряк, - бывает так: железная бадья, угольная яма. Подгребаете, значит. Сперва легко, - пока уголь скатом: сам в бадью сыплется; потом тяжелее. Наполните бадью, ставите ее на тележку. Подкатываете к старшему кочегару. Тот ударом лопаты - раз! - отпахивает печь, - два! - той же лопатой бросает, знаете, широко, веером, чтобы ровно лег. Работа тонкая. Изволь следить за стрелкой, а если понизится давление...

В окне с улицы появились голова и плечи человека в панаме и белом пиджаке. - Как изволите поживать, Ляля? Облокотился о подоконник.

- Да-да, конечно, жарко, так и пышит. Работать нужно в одних штанах да в сетке. Сетка потом черная. А вот я говорил, - о давлении-то. В печи, значит, образуется накипь, каменная кора, разбиваешь атакой длинной кочергой. Трудно. Зато как потом выскочишь на палубу - солнце, хоть и тропическое, а кажется свежим, - да встанешь под душ, да шмыг к себе в кубрик, в гамак, - благодать, доложу я вам... Тем временем у окна:

- А он, понимаете, утверждает, что видел меня в автомобиле!

Голос у Ляли был высокий, взволнованный. Ее собеседник, белый господин, стоял, облокотясь с внешней стороны подоконника, и в квадрате окна были видны его круглые плечи, бритое мягкое лицо, наполовину освещенное солнцем: русский, которому повезло.

- Вы еще, говорит, были в сиреновом платье, а у меня и нет такого, - взвизгнула Ляля, - а он настаивает: "же ву засюр".

- Нельзя ли по-русски, - обернулся моряк, говоривший с Никитиным. Человек в окне сказал: - А я, Ляля, достал эти ноты. Помните? Так и пахло, - почти нарочито, словно кто-то забавлялся тем, что выдумывает эту барышню, этот разговор, этот русский ресторанчик в чужеземном порту, - пахло нежностью русских захолустных будней, и сразу, по чудному и тайному сочетанию мысли, мир показался еще шире, захотелось плыть по морям, входить в баснословные заливы, везде подслушивать чужие души.

- Вы спрашиваете, какой рейс? Индокитай, - так просто сказал моряк.

Никитин задумчиво застучал папиросой о портсигар; на деревянной крышке выжжен золотой орел. - Хорошо, должно быть. - А что? Конечно, хорошо.

- Ну, расскажите что-нибудь. Ну, про Шанхай, про Коломбо.

- Шанхай? Видел. Теплый дождик, красный песочек. Сыро, как в оранжерее. А на Цейлон, например, не попал; вахта, знаете... Моя была очередь...

Человек в белом пиджаке, согнув плечи, через окно говорил Ляле что-то, тихо и значительно. Она слушала, набор склонив голову, одной рукой потрагивая завернувшееся ухо собаки. Собака, выпустив огненно-розовый язык, радостно и быстро дыша, глядела в солнечный просвет двери, верно, раздумывая, стоит ли еще полежать на горячем пороге. И казалось, что собака думает по-русски. Никитин спросил: - Куда же мне обратиться?

Моряк подмигнул приятелю: уломал, дескать. Затем сказал:

- Очень просто. Завтра пораньше пойдете в старый порт, у второго мола найдете

Порт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
наш "Жан-Бар". Вот и поговорите с помощником капитана. Думаю, что наймет.

Никитин внимательно и ясно посмотрел на чистый, умный лоб моряка.

- Чем вы были раньше, - в России?

Тот пожал плечами, усмехнулся.

- Чем? Дураком, - басом ответил за него вислоусый.

Погодя оба встали. Молодой вынул бумажник, заткнутый в штаны спереди под пряжку пояса, на манер французских матросов. Чему-то высоко засмеялась Ляля, подошедшая к ним, подала руку: ладонь, верно, чуть сырая, Копошились щенки на полу. Человек, стоявший за окном, отвернулся, рассеянно и нежно посвистывая. И Никитин, рассчитавшись, неспешно вышел на солнце.

Было часов пять пополудни. На синеву моря в пролетах переулков больно было смотреть. Пылали круговые щиты уличных уборных.

Он вернулся в свою убогую гостиницу, - и, медленно заломив руки, в блаженном солнечном опьянении свалился навзничь на постель. Ему приснилось, что он снова офицер, идет по крымскому косоугору, поросшему молочаем и дубовым кустарником, - и на ходу стеком скашивает пушистые головки чертополоха. Он проснулся оттого, что во сне засмеялся: проснулся, а в окне уже синели сумерки.

Подумал, высунувшись в прохладную бездну: бродят женщины. Среди них есть русские. Какая большая звезда.

Пригладил волосы, потер концом одеяла пыльные шпиковатые носки сапог, заглянул в кошелек, - пять франков всего, - и опять вышел блуждать, наслаждаться своей одинокой праздностью.

Теперь на улице было люднее, чем днем. Вдоль переулков, спускавшихся к морю, сидели, прохлаждались. Девушка в платке с блестками... Вскинула ресницы... Пузатый лавочник в расстегнутом жилете курил, сидя верхом на соломенном стуле, локтями опираясь на спинку, - и спереди на животе торчал хлястик рубашки. Дети, попрыгивая на корточках, пускали при свете фонаря бумажные лодочки по черной струе, бегущей вдоль узкой панели. Пахло рыбой и вином. Из матросских кабаков, горевших желтым блеском, неслись трудные звуки шарманки, стук ладоней об стол, металлический возглас. А в верхней части города, по главному бульвару, под облаками акаций, шаркали и посмеивались вечерние толпы, мелькали тонкие лодыжки женщин, белые башмаки морских офицеров. Тут и там, словно цветистый огонь застывшего фейерверка, пылало в лиловом сумраке кафе: круглые столики прямо на тротуаре, тени черных платанов на освещенном изнутри полосатом навесе. Никитин остановился, представив себе мысленно кружку пива, ледяную, тяжелую. В глубине за столиками, как руки, заламывались звуки скрипки, и густым звоном переливалась арфа. Чем банальней музыка, тем ближе она к сердцу.

У крайнего столика сидела женщина, вся в зеленом, усталая, гуляющая, покачивала острым носком башмака,

"Выпью, - решил Никитин, - нет, не выпью... А впрочем..."

У женщины были глаза, как у куклы. Что-то было очень знакомое в этих глазах, в длинной линии ноги. Подхватив сумку, она встала, словно торопилась куда-то. На ней была длинная кофточка изумрудной шелковой вязки, низко обхватывавшая бедра. Прошла, шурясь от музыки.

"Вот было бы странно, - подумал Никитин. В памяти у него пронеслось что-то, как сорвавшаяся звезда, - и забыв о пиве, он завернул следом за ней в черный, блестящий переулок. фонарь вытянул ее тень. Тень мелькнула по стене, перегнулась. Она шла тихо, и Никитин сдерживал шаг, почему-то боясь ее догнать. - Но ведь это несомненно так... Боже мой, как хорошо..."

Женщина остановилась на краю панели. Над черной дверью горела малиновая лампочка. Никитин прошел вперед, вернулся, обошел женщину кругом, стал. Она с воркующим смешком кинула ласковое французское словцо.

Порт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
При смутном свете Никитин видел ее миловидное, усталое лицо, влажный блеск мелких зубов.

- Послушайте, - сказал он по-русски просто и тихо. - Ведь мы давно знакомы, давайте уж говорить на родном языке.

Она подняла брови:

- Инглиш? Ю спик инглиш?

Никитин пристально глянул, повторил несколько беспомощно:

- Оставьте. Ведь я знаю.

- T'es polonais, alors? - спросила женщина, по-южному раскатывая последний рокошущий слог.

Никитин сдался, усмехнулся, сунул ей в руку пятифранковую бумажку и, быстро повернувшись, стал переходить покатуя площадь. Через мгновение он услышал за собой поспешный шаг, дыханье, шорох платья. Обернулся. Никого. Пустая, темная площадь. Ночной ветер гнал по плитам газетный лист.

Он вздохнул, усмехнулся опять, глубоко засунул кулаки в карманы штанов, - и глядя на звезды, которые вспыхивали и бледнели, словно их раздували гигантские меха, стал спускаться к морю.

Там, над лунным плавным колыханьем волн, на каменной грани старинной пристани, он сел, свесил ноги и так сидел долго, откинув лицо и опираясь на ладони назад отогнутых рук.

Прокатилась падучая звезда с нежданностью сердечного перебоя. Сильный и чистый порыв ветра прошел по его волосам, побледневшим в ночном сиянии.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!